

Глеб Иванович Успенский

Захотел быть умней отца!

Через пень-колоду

Глеб Успенский

Захотел быть умней отца!

«Public Domain»

1885

Успенский Г. И.

Захотел быть умней отца! / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1885 — (Через пень-колоду)

«...Отобразая типические явления эпохи реакции, Успенский дал в своем очерке яркую зарисовку облика деревенского кляузника «мужицко-чиновничьего типа», выступающего в защиту старых норм жизни. Родственный тип, в том же 1885 году, был создан и А. Чеховым в образе унтера Пришибеева. Людям, цепляющимся за старину, Успенский противопоставляет новые силы, появившиеся в деревне...»

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глеб Иванович Успенский

Захотел быть умней отца!

1

– Там, на кухне, вас спрашивает какой-то мужчина, – сказала мне как-то на днях работница, появляясь в моей рабочей комнате. – Вот какую-то бумагу велел вам прочитать... Не очень молодой уж... Даже уж довольно пожилой мужчина.

Работница вручила мне бумагу и ушла.

Очень и очень была мне знакома эта «бумага», засаленная продолжительным пребыванием за пазухой неведомо откуда появляющегося «прохожего» человека, случайного моего посетителя, и не без некоторого неприятного ощущения взял я ее в руки: много, очень много перечитал я этих бумаг с тех пор, как живу в деревне, и давно уже отвык чувствовать любопытство к произведениям такого рода; эти желтые чернила, от которых слепнут глаза, и почти всегда невероятно исковерканный язык, над пониманием которого надобно в буквальном смысле слова «ломать» голову, а главное, всегда почти кляузное содержание этой «бумаги», – все это развило во мне какое-то неприязненное, даже болезненное ощущение, ощущение боли в висках всякий раз, когда какой-нибудь случайный посетитель, желая поговорить со мной, посылал вперед себя эту засаленную бумагу.

«Кляуза! Непременно какая-нибудь ехидная гадость!» – чувствуется мне всякий раз, когда я увижу этот протягиваемый мне работницей засаленный лоскут. Горький опыт убедил меня, что хороший, дельный, *порядочный* мужик не пойдет ко мне за разговором; он делает свое дело – некогда ему разговаривать, да и нечего мне ему сказать: ничего я в *его* делах не понимаю и не знаю. Горький опыт убедил меня еще и в том, что хороший, порядочный мужик, желающий подумать, а по временам и поговорить «по-хорошему» и о хорошем «вообще», не пойдет ко мне не потому только, чтобы он был уверен, что и по этой части, то есть по части хорошего разговора, я так же мало понимаю, как мало понимаю в его крестьянских делах; нет, он знает, что по части «хорошего разговора» я могу быть ему полезен, что у меня книжки, что я в газетах «вычитываю обо всем», и что вообще нам с ним есть много о чем поговорить по совести; но, зная все это, он все-таки не пойдет ко мне, потому что чувствует бесплодность таких разговоров, чувствует, что не те времена¹, чтобы *дозволять* себе даже мечтать по-хорошему, что теперь времена стоят рыковские, не светлые, не настоящие – времена, которые, несомненно, пройдут, но с которыми «по-хорошему» ничего не поделаешь. Можно только сторониться от них, «не касаться» этой рыковщины, где бы она ни проявлялась в деревенской жизни: в волостном суде, на сходе, в кулацком трактире или на кулацкой попойке; и вот почему не идет ко мне порядочный мужик для хорошего разговора: рыковщина вдвойне страшна здесь, в деревне, где она груба, топорна, бесчеловечна и ничем не прикрашена. Рыковщина страшна как систематическое истребление во всех и в каждом малейшего проявления чего-нибудь божеского, совестливого, умного, справедливого. Рыковщина не только банковый грабеж, *а умышленное истребление малейших благородных и справедливых побуждений в человеке*. Последние двадцать пять лет тем и ужасны, что дело о правде и неправде стояло в таком именно, а не ином положении. Неправду слишком берегли, слишком холили, дали ей полную волю, а правду слишком жестоко, слишком неумолимо истребляли в малейших ее проявлениях и положительно на всех путях. Если рыковщина городов не пускала в банк порядочного человека, чтобы он не помешал делать зло на десятки миллионов, то рыковщина деревень не пускала его ни в

---

¹ Слова эти относятся к недавнему прошлому. (Прим. автора.)

ссудо-сберегательное товарищество с грошевым оборотом, ни в волостное правление, ни в суд, ни в школу. Все, что в течение этих двадцати пяти лет имело стремление в самом деле делать добро, приносить общественную пользу, все, что хотело делать по правде, совести и чести, на каких бы отдаленнейших и глухих местах эти попытки ни осуществлялись и в каких бы микроскопических размерах ни проявлялись они, – все это зорко, необычайно зорко, по-звериному видела, носом чуюла рыковщина и стремилась истребить. Светлое сознание, ум, малейшие проявления доброй воли, прямоты совести, словом, малейшее проявление *души* – все это претило, бесновало зоологический инстинкт рыковщины, которая не церемонилась и пускала в ход всякие средства: «всемогуший бог», «с божиею помощью», «помощь бедным и нищим», «расширение производства», «страдание сердца», «шантаж и подрыв доверия» и т. д., словом – все, что может заставить верить, что на кровати лежит бабушка, а не волк в бабушкином чепчике. И для чего все это? Для того же, для чего и волку нужно вечно рвать овец и вечно быть голодным; в этом рванье, в этом бесплоднейшем истреблении все содержание бессмысленной зоологической рыковщины – рванье, грабеж для рванья и грабежа; разворовав миллионы, рыковщина не научит даже детей своих читать и писать; у ней нет фантазии истратить эти миллионы; она может только хватать их, воровать и ввергать в помойную яму... Ни замков она не выстроит, ни морей не оживит, ни гор не коснется и ничего ни из каких сокровищ не извлечет. Чтобы быть *хорошим эгоистом*, нужна продолжительная наследственность, нужна порода, а здесь наследственность фантазии хватает только до паюсной икры и чистосердечного приношения городничему: на миллион уже нехватает этой фантазии; но, несмотря на то, что фантазии хватает только на полтинник, этому зоологическому типу, мужику без мужицкого труда, нельзя остановиться в грабеже и в зле, нет других форм для проявления самого себя, не угнетенного мужицким трудом, а освобожденного от него... Волка сколько ни корми, как ни ухаживай за ним, но он уйдет в лес голодать, выть и рвать всякую падаль.

Теперь благодаря суду стало уж ясно, что такое эта рыковщина и какая у нее суть нравственная, нравственная подоплека, облекаемая, смотря по обстоятельствам, как заячья шкура, то якобы патриотизмом, то смирением, то волчьим оскаливанием зубов, – теперь ясно, что рыковщина есть обман по отношению к существующему порядку.

Рыковщина отучила нас всех – и мужиков и не мужиков – верить и думать даже о том, что есть человек, душа, совесть, стыд, обязанность к ближнему; отучила верить, что не только нужно, а даже можно думать и делать хорошо; как дважды два доказала, что по-хорошему поступать – страшно, опасно и не время. Вот почему и хороший, честный, порядочный мужик притаился, приумолк, предоставив волю деревенской рыковщине во образе грабительства, кулачества и кабачества. Порядочный крестьянин верит, что это не навсегда, что у торжествующей рыковщины будет конец – обьестся и лопнет, и ничего, кроме смрада, от нее не останется... А пока это еще будет, он идет мимо меня и не заходит: не к чему разговаривать и расспрашивать – «еще не отъелись, чавкают еще! – думает он, – пушай, апосля приду!...» Раз два три, правда, заходили ко мне такие хорошие мужики – спросить, скоро ли откроется банк крестьянский, да какие правила насчет лесных торгов, и больше, кажется, не было у меня хороших посещений... А вот кляузник идет! Чует он носом, что теперешний образованный, грамотный человек, который газету читает, должен понимать, где раки зимуют... Он знает старую, заскоруюзлую клязу, произошел, и новую, деревенскую знает, – так вот нет ли, думает, еще какого-нибудь иного нового манера, чтобы оформить по-новому заскоруюзлую клязу, выскочить чрез и сквозь все древние и новые клязы еще выше, под самый, так сказать, перемет неправды?... Не виню я этих тварей за такое мнение о барине, – барин, к несчастью, очень и очень мало заявляет себя перед мужиком с хорошей стороны, – но все-таки тип деревенского кляузника для меня в такой степени противен, что одно появление бумаги, в которой я привык видеть непременно вступление в обширнейший кляузный разговор, один запах этого лоскута, валявшегося за пазухой кляузника вместе с кучей других кляузных «скопий» и документов, этот

большую частью умышленно запутанный и омерзительный язык, эти бледные каракули, запятнанные чернилами, маслом и грязью, – все это давно уж стало возбуждать во мне физическое отвращение, боль головы, груди... Вот почему я, по уходе работницы, принесшей мне бумагу, не мог не раскаиваться в своей неосторожности: зачем я взял эту гадость? Но так как бумага была уже в руках, то волей-неволей я прочитал ее. Вот что было нацарапано на ней:

«18** году двадцать пятого числа марта месяца бывши я крестьянин сопсвеник деревни Кубышки Чихалковской волости Купреян Муравушкин бывши во храме святыя Софии в Нове граде при служении соборне имел мысли о себе самом и о Расеи и о прочем и тогда впав в состояние слез и даже до обморока в бесчувствии на весь храм произносил необыкновенные слова горести весь в слезах и не могу даже остановиться по случаю вдохновения до изнеможения и язык мой стало тянуть взад к затылку и упал в беспамятстве. Иерей же Иоан Лисицын засвидетельствовал с течением времени выздоровления, о дивных словах кои были мною возвещены вдохновением, и золотыми буквами на поучение заблудшему народу изъяслял опубликовать, но я даже не могу найти и вспомнить тех слов. И было со мною в течение времени шестьдесят восемь лет необыкновенных вдохновений три: первое – на съезде дворянства, второе – в поучении сыну моему художнику Симеону Муравушкину, а третье во храме св. Софии о чем покорнейше доношу вашему сиятельству, как даровано мне от бога вдохновение, то покорнейше прошу не оставить без внимания. Кр. с. Кубышки» и т. д.

Прочитав эту тарабарщину, я все-таки чувствовал, что есть тут какая-то гадость или вообще что-то старое, уродливое, нелепое, хотя прямой, видимой кляузы и нет. «Что ему нужно?» – думалось мне. Но пока я раздумывал, работница опять явилась в моей комнате и со словами: «Пущать, что ли, его?» впустила в комнату незнакомого посетителя, не дожидаясь моего ответа.

2

Вошел длинный, сухощавый пожилой человек с смиренным выражением какого-то тусклого лица, с гусиными маленькими красноватыми глазами, и «первым долгом» с благоговением помолился на образ; в его опрятненьком, крытом черным сукном тулупчике, тщательно подпоясанном кушаком, в его манере держать себя так, чтобы вы чувствовали, что он не просто пришел к вам, а «предстал перед вами», опять мелькнуло мне что-то неприязненное, не просто крестьянское, а опять-таки кляузное и ехидное. При ближайшем знакомстве все эти подозрения мои вполне подтвердились, хотя ехидство и кляузничество этого человека были особенные, имели не личный характер, а, так сказать, государственный: он вообще кляузничал на существующий порядок во имя благоговения пред старым, в котором для него все свято и совершенно.

– Осмелюсь доложить вашему высокородию, что я с тысяча восемьсот сорок шестого года и до реформы, и даже после реформы, завсегда был на первом счету у высшего начальства. Я живу при третьем императоре и, благодарение создателю, всегда был примерного поведения! И господа управляющие палат, окружные начальники, а впоследствии времени мировые посредники завсегда становили меня на первый план. Потому я как от бога награжден даром ума и совести, то я не послаблял ни в едином мгновении... У меня подати, сборы, повинности – ни боже мой, чтобы запоздать или что – никогда! Я себя не помнил, не знал, какой я есть человек сам по себе: рюмки водки не выпил, но стоял, как сторож на часах, при начальнике... Этого безобразия не было, как теперь! Я, старшина, или будучи головой, встану до свету, – вижу, кто что делает... кто в кабак идет, кто на работу – и не потерплю... Я знаю, на какие деньги у кого что куплено. «Это откуда у тебя салоп?» – «Тятенька купил». И этого довольно. Я знаю, на какие деньги куплен салоп; он, тятенька, что-нибудь продал в хозяйстве, а этого я не попусти. Я разыскиваю его, допрашиваю, и ежели вижу, что точно продал что-либо хозяйственное, то немедленно же и жестоко накажу, не взирая; салоп сниму и вновь обращу его в лошадь или корову и не дам (это слово он сказал с такой энергией, что затрясся весь), не дам своевольничать, не дозволю!

При последних словах он так воодушевился, что даже вспотел и отер лицо синим набойчатым платком.

– У меня по волости вот этакой соринки не было непорядку!.. За версту кланялись и шапку ломали, – не то что теперь дозволяется всякое непочтение и нахальство! Я имею две медали и почетный кафтан, и даже жена моя удостоилась получить почетный шугай от высшего начальства за примерное домашнее поведение и строгость, что ни малейше ни в чем даже не послабляла!.. И когда началась реформа, тогда даже начальник губернии, при личной бытности в моем доме, взявши меня вот за это самое место (гость осторожно взял меня за плечо) – «Только, говорит, на тебя и есть надежда; поддерживай господ, не давай воли мужикам; ты, говорит, понимаешь, что есть бог, который установил устав и правила, – так ты и не послабляй...» Так я восемь лет, почитай, не спал как следует и восьми ночей, потому что началось развращение, пьянство, своевольство... Бога никто не признавал, не почитал, и никто об этом внушений не делал; бывало, со всех концов кажинный божий день идут бумаги: «такие-то мужики не идут ко мне на работу»; «такой-то сделал грубость, обругал моего приказчика»; «сего числа у меня украли двух кохинхинских кур и цыпленка голландского, почему прошу взыскать по всей строгости закона». Не пимши, не емши, по горячим следам во мгновение ока везде был и порядок утверждал бескорыстно... Сам в помои руку запущу, вытащу оттедова куриные ноги и головы, тотчас обличу, разыщу – кто был, кто ел, кто воровал, и через два часа у меня готова расправа. Ежели бы не я, так что бы тут было! А будет еще хуже, идут времена зловещие, народишко распустивши, не знает правил, забыл бога и пользуется своим неува-

жением к начальникам! Сменили меня своею властью, а предпочитают пьяницу, но господь ниспровергнет их и в ничтожество произведет!.. Когда мировой посредник, его сиятельство граф Зайцев-Волчищев, оставлял пост, то рыдал и обливался слезами: «Без тебя, Муравушкин, должны прекратиться порядки и строгость, и народ, забывши бога, должен впасть в разврат». Оно теперь и у вашего высокого благородия вполне на виду... И я сам претерпел со слезами от сына моего родного... Вот извольте почитать... Здесь все описано вполне, для опубликования по всей России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.